

МОТИВ ДУХОВНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА УРОВНЕ ХРОНОТОПА В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»

МАРИАННА МКРТЧЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу мотива духовного пробуждения в пасхальном рассказе А.П. Чехова «Студент» (1894) в контексте евангельского события отречения Петра и его интерпретации, выходящей за рамки традиционного значения с точки зрения догматического богословия и совпадающих с ним нравственно-философских истолкований данного евангельского события. В интерпретации произведения мы опираемся на подход к литературному тексту как к открытой структуре, допускающей его прочтение с выходом за рамки авторского замысла, однако тесно с ним сопряженного. Во включении в текст произведения евангельского текста мы видим пересечение различных смысловых кодов, допускающее несходные между собой прочтения. В частности, отречение Петра рассматривается нами не только как временное отступление и проявление человеческой слабости, но как следствие измененного состояния его сознания. В Евангелии оно отражено как сон, которому ученики Христа не могут сопротивляться. Через это углубляется и мотив пробуждения в рассказе. В произведении нами также рассматривается проблема поисков человеческой души, ищущей смысла в жизни и находящей его через переживание евангельских событий. В нашем анализе мы опираемся на особенности пространственно-временной организации текста, в которой нами выявляются несколько уровней функционирования времени (биографический, суточный, календарный, космический), с опорой на которые выстраивается картина перехода линейного (горизонтального) пути героя на уровень духовной вертикали.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, пасхальный рассказ, «Студент», Евангелие, отречение Петра, время, пространство, хронотоп.*

* **Марианна Мкртчян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЕГУ
Մարիաննա Մկրտչյան – փանսաիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի դոցենտ

Marianna Mkrtchyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, YSU Chair of Russian Literature

Эл. почта: marianna.mkrtchyan@ysu.am, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6521-2947>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2025

Введение

Рассказ А.П. Чехова «Студент» относится к жанру календарных, в частности, пасхальных рассказов (действие в нем приурочено к конкретному дню Страстной недели – Страстной пятнице). В русской литературе этот жанр в различных вариациях (святочный, рождественский, пасхальный) имеет свою историю. Она ведется с 20-30-х годов XIX века, жанр претерпевает на своем пути определенные трансформации, пока после революции 1917 года по понятным причинам не уходит со страниц русской литературы, продолжая оставаться лишь в творчестве эмигрантских писателей. Примечательно, что в 70-ые годы XX века А.А. Белкин, отмечая, что «по поводу “Студента” очень мало написано» и что «как-то в круг анализа он не входит у многих», в духе социологического направления объясняет это тем, что «его очень трудно связать с историческими обстоятельствами»: «“Учитель словесности”, пожалуйста – с мещанством в 80-е годы. “Человек в футляре” – с бюрократией и опять же с мещанством. “Мужики” и “В овраге” – с положением крестьянства. А “Студента”? Как-то не с чем и связывать. Вот и обходят» [Белкин, 1973, с.299]. Как видим, духовно-религиозная составляющая рассказа вообще не берется в расчет. К сожалению, советская действительность наградила нас не только однобокой идеологией, наложившей свой отпечаток и на официальное литературоведение, но и ратовала за старательный обход религиозных вопросов, обсуждая их только там, где их невозможно было обойти, при этом – по-своему и значительно редуцируя. Поэтому изучение жанра календарных рассказов на длительный период времени перестало быть актуальным. Ситуация меняется в 90-е годы XX века, что проявляется и в интересе к произведениям, написанным в обозначенном жанре. Переиздаются произведения классиков в этом жанре, к нему вновь обращаются современные писатели. Этот интерес можно увидеть и на примере рассказа Чехова «Студент».

На сегодняшний день в России рассказ входит в школьную программу и в списки для внеклассного чтения. На олимпиадах по литературе по нему включают тестовые вопросы и предлагают темы для сочинений. Его проходят на уроках русского языка с иностранными студентами [Воронина, 2014; Матюшенко, 2010]. Мы не случайно приводим эти факты, так как они свидетельствуют о кардинальной смене вектора в интересе к этому произведению Чехова. В последние три десятилетия к нему обращались многие исследователи, что делает затруднительным дать исчерпывающий обзор этих работ в рамках одной статьи. Частично, с выделением основных взглядов на него, это сделано в статье Н.В. Мокиной, посвященной рассмотрению рассказа Чехова в контексте «дантовского текста» русской литературы. В самой статье анализ базируется на выявлении семантики и функций локусов и опорных мотивов в произведении, соотносимых с первой песней «Ада» «Божественной комедии» Данте [Мокина, 2020].

Интересно отметить, что обращаются к рассказу и зарубежные исследователи. Например, итальянский исследователь Марко Скарпа рассматривает особенности композиции рассказа и специфику «семантических полей» составляющих его частей [Скарпа, 2013]. Американский славист Роберт Джексон осмысляет путь главного героя рассказа в пределах обозначенного им движения «от Страстной Пятницы – дня, в который Христу суждено было испытать чашу страданий до дна,

– до «пира веры» пасхальной утрени» [Джексон, 1991]. Отдельную главу анализу рассказа отводит в своей книге «Проза как поэзия» немецкий славист В. Шмид [Шмид, 1998].

Отметим, что в нашем анализе мы не обращаемся к вопросу о религиозных взглядах Чехова, которые также неоднократно становились предметом обсуждения. В этой связи можно назвать интересную статью А. Чудакова «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...» [Чудаков, 1996], где Чехов показан как писатель и человек, для которого был важен постоянный непрекращающийся поиск, движение между этими двумя полюсами.

Фокус нашего исследования будет сосредоточен на некоторых особенностях пространственно-временной организации рассказа и на возможном выходе за рамки авторского замысла в пределах читательского восприятия текста с учетом включения в рассказ евангельского события.

Евангельское событие отречения Петра в контексте мотива душевного пробуждения

Праздник Пасхи венчает собой Страстную неделю, главными событиями которой являются распятие и воскресение Христа. Но она насыщена и другими событиями, каждое из которых может быть положено в основу сюжета пасхального рассказа. В рассказе Чехова это поступок Петра, трижды отречшегося от Христа, который переживается героями произведения с моральной точки зрения. На фоне утверждающейся в рассказе непрерывной связи прошлого с настоящим («*Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого*» [Чехов, 1977, 8, с.309]) возникает важный вопрос: рассматривать ли каждое евангельское событие как некую отдельность, или в контексте единого духовного свершения все они являются звеньями в цепи взаимосвязанных друг с другом происшествий, за каждым из которых стоит главное – крестный путь Христа?

Трудно представить, что в отношении широкой духовной перспективы при восприятии рассказа Чехова читатель ограничится лишь рамками одного, вписанного в него события. Чехов пишет в рассказе:

Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям [Чехов, 1977, 8, с.309].

Могло ли так глубоко быть воспринято такого рода событие, не будь оно частью истории о Христе, переживаемой во дни Страстной недели? То, «что он только что рассказал», «имеет отношение к настоящему» именно потому, что оно является частью великого события, которое произошло на земле теперь уже – двадцать веков назад. То, что названо в рассказе «настоящим» и «другим концом» («*И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой*» [Чехов, 1977, 8, с.309]), может быть любой точкой в истории человечества, потому что осознание смысла происхо-

дившего тогда не перестанет быть актуальным вне зависимости от того, какой век будет на дворе, и именно потому, что он относится к истории Христа.

Казалось бы, само деяние Христа остается в рассказе за кадром. Как отмечает О. Богданова, «На передний план “пасхального сюжета” выходят не Страсти Христовы, а страсти отступника-ученика. Эпицентр событий смещен» [Богданова, 2019]. Это справедливо, если мы говорим только о сюжете рассказа, но в восприятии его читателем это выглядит несколько иначе. Исследовательница также констатирует: «Образ студента-ученика Ивана Великопольского обретает видимые иронико-негативные коннотации и удостаивается Чеховым не параллели к Христу (хотя подобное сопоставление, основанное на преображении-воскресении героя, было — художественно, но не канонически — допустимо), а к образу ученика-апостола, ученика-отступника». [Богданова, 2019]

Нам дело представляется более сложным. Распятие Христа, хотя не отражено как событие в рассказе, актуализируется тем, что описываемые события, современные и исторические, имеют место именно в Страстную пятницу. Это день, когда Христос был распят, и именно казнь Христа составляет главное содержание евангельских чтений Великих Четверга и Пятницы. Этого достаточно, чтобы данное событие имплицитно входило в рассказ на правах полноценного, хотя сюжетно и остающегося за кадром. Если этого не учитывать, то значение произведения сужается до осознания грехов, лежащих на сердце каждого человека и идущего «от души к душе созвучия нравственной боли за когда-то кем-то совершенное нравственное преступление» [Белкин, 1973, сс.296-297], в то время как оно гораздо шире. Расширение смысла произведения происходит именно за счет того, что в рассказе «драма Пасхи вплетается в саму смысловую структуру» [Джексон, 1991]. Смысл дополняется и раздвигается именно в связи с этим. Признавая проблему «отречения, отступничества и отрицания» в качестве самого глубокого пласта рассказа, Р. Джексон справедливо отмечает, что «студент духовной академии» и «сын дьячка» — проходит через страдание, то есть пронзительно переживает не только трагедию русского народа, русской истории и жизни, но и страсти Христовы» [Джексон, 1991]. Исследователь сосредотачивается на мысли о том, что «радость Пасхи постигается вполне лишь через трагедию Страстей Христовых» [Джексон, 1991]. Последнее утверждение неоспоримо, однако, на наш взгляд, рассказ выходит за пределы и этого значения, что видно на разных уровнях его художественного воплощения. Сам образ студента, не лишенный указанных параллелей и особенностей пройденного пути, представляется нам шире — перед нами человек своей эпохи, в душе которого произошло нечто такое, что с необходимостью должно быть пережито человеком во дни Страстной недели, если речь идет о глубоком постижении деяния Христа, переживании всей значимости произошедшего духовного события.

Здесь важно отметить, что отречение Петра не может быть понято исключительно как временное отступничество и проявление человеческой слабости, хотя это и является общепризнанной трактовкой его поступка как среди богословов, так и в светской среде. При этом не учитывается важный факт — у учеников Христа в период совершавшихся событий сознание было понижено, они как бы внутренне находились в состоянии сна. Это известно нам из Евангелия, из моления Христа в Гефсиманском саду, когда Христос трижды находил своих

учеников спящими, хотя просил их бодрствовать. У Чехова отмечено состояние Петра: «...бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал» [Чехов, 1977, 8, с.307]. О. Богданова отмечает: «Герой-рассказчик Чехова находит для Петра житейски обыкновенные оправдания: не выпался, устал, измучился» [Богданова, 2019]. С этим трудно согласиться, так как в контексте евангельской истории оно далеко не житейское. Или можно сказать иначе, такое понимание этой части текста оправдано лишь в рамках одной системы смыслов, но если рассматривать его в другой системе координат, это место по своему значению оказывается гораздо глубже. Чехов здесь оказался провидцем, не пройдя мимо существенной детали, пусть даже не вполне осознавая ее истинный смысл и не дав ему соответствующего развертывания. В рассказе Петр не только «спал», был «не выспавшийся» до отречения, он как бы «пробуждается» только после троекратного отречения: «Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» [Чехов, 1977, 8, с.308]. Ключевым словом здесь является «очнулся», только сейчас он словно **пробудился ото сна**.

До Пятидесятницы, момента, когда на учеников Христа сошел Святой Дух, они были самыми обычными людьми. Они долгое время общались с Иисусом и безмерно его любили. О Петре в рассказе говорится: «Он страстно, без памяти любил Иисуса» [Чехов, 1977, 8, с.308]. И когда Петр говорит Иисусу в Евангелии от Луки: «Я готов идти с Тобой и в темницу, и на смерть» (Лк. 22:33) (Чехов почти точно эти слова в рассказе воспроизводит), Петру невозможно не верить. Почему же он поступает иначе?

Человеческая слабость Петра (на таком понимании основан и рассказ самого Чехова) – это только одна сторона поступка, в одной конкретной системе смысловых кодов. Такая его интерпретация представляется нам плодом восприятия этого события материалистическим сознанием, настолько оторвавшимся от духовного, что уже неспособного прозревать истинный смысл происходивших две тысячи лет назад духовных событий. В восприятии рассказа факт оторванности человека от духовного необыкновенно важен, потому что само деяние Христа было совершено ради того, чтобы человек не оторвался от духовного безвозвратно. Истинный смысл отречения Петра, как и любого другого события Страстной недели, может быть постигнут иначе, но через духовное видение, каким, к примеру, обладал основатель духовной науки Рудольф Штайнер, один из уникальнейших людей XX века, значение которого до сегодняшнего дня не в полной мере оценено. Об отречении Петра он говорил следующее:

Он отрекался от Христа, но не по причине морального дефекта, а потому что ходил как бы во сне. В этот момент перед его сознанием не стояла фактическая связь со Христом. Его спросили: принадлежишь ли ты ко Христу Иисусу? — Но в тот момент он не знал этого, ибо его эфирное тело прошло через большие изменения... Он постоянно переживал странствие с Воскресшим. И то, что вызывал в его душе Воскресший, глубоко проникало в нее, но сознательно лишь в Пятидесятницу он впервые смог оглянуться на прошедшее [цит. по: Бондарев, 1999]

Читатель этой статьи может здесь возразить, что Чеховым этот смысл в рассказ вложен не был. По этому поводу будет уместно вспомнить слова Ю. Лотмана о том, что «художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный. Именно это свойство его имеют в виду, когда говорят о многозначности художественного слова» [Лотман, 1970, с.78]. А «одним из наиболее глубинных свойств художественного текста» исследователь называл «способность элемента текста входить в несколько контекстных структур и получать соответственно различное значение» [Лотман, 1970, с.79].

Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом. Когда писатель заимствует для своего текста другой текст, он невольно включает в него и ту информацию, которую этот заимствованный текст несет. В данном случае это текст Евангелия. Таким образом, код одной системы попадает в код другой системы, и читатель может считать оба кода или делать свой выбор. «Проникновение же в систему противоположных ей структурных элементов заставляет читателя колебаться в выборе того или иного дешифрующего кода» [Лотман, 1970, с.362]. В данном случае первый связан с замыслом автора, а второй может быть связан со смыслами, которые заложены в другом тексте и могут считываться читателем из него. Утверждение Богдановой, что «Герой-рассказчик Чехова находит для Петра житейски обыкновенные оправдания: не выспался, устал, измучился», оказывается результатом прочтения только в пределах одного кода. Язык Чехова – это один язык, а язык Евангелия, как текста духовного и эзотерического – совсем иной. С вхождением Евангелия в текст Чехова оно приносит с собой и свою систему значений, которую читателю невозможно игнорировать. Может возникнуть вопрос, не является ли язык Евангелия общим кодом для всех его знающих? Практика его интерпретаций показывает, что нет, так как он дешифруется по-разному, опять-таки в зависимости от того, кто к нему подходит – неискушенный читатель, догматический богослов или, к примеру, эзотерик-антропософ. Автор может находиться в системе одного кода, а читатель – другого. Как отмечает Лотман, «выбор одного из известных кодов создает дополнительную информацию» [Лотман, 1970, с.35]. В результате текст может нести читателю информацию, передача которой даже не входила в замысел автора.

Для нас дешифрующим это место Евангелия является утверждение Штайнера о том, что происходило в душе Петра в момент отречения, а также указание на то, что высоким сознанием ученики Христа наделяются только в момент Пятидесятницы, когда они оказываются способны прозреть весь глубокий смысл деяния Христа и вписаться в произошедшее как на физическом, так и на духовном уровнях. Пятидесятница есть момент обретения ранее скрытого смысла.

Постижение смысла – один из ключевых моментов и в рассказе Чехова. Именно упоминанием «великого смысла» ознаменован самый конец произведения: «и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [Чехов, 1977, 8, с.309].

В душе каждого героя рассказа происходит пробуждение как ото сна, ими переживается нечто, что производит в ней внутренний переворот. Именно в этом заключается и основной смысл празднования Пасхи и переживания человеком Страстной недели. Важно не просто вспомнить о деянии Христа, но по возможности пережить душевно его глубокий смысл, а это и означает – пробудиться.

Пробуждение – это всегда некий переворот. В рассказе это переход от слепого следования традициям праздника и догматической веры («по случаю страстной пятницы дома ничего не варили»; «Небось, была на двенадцати евангелиях?» [Чехов, 1977, 8, с.307]) к глубинному душевному переживанию. Отношение к следованию религиозным догмам без внутреннего переживания Чехов подробнее описал в рассказе «Мужики»:

Марья и Фекла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало кто верил, мало кто понимал. [Чехов, 1977, 9, с.306].

Догма не есть нечто живое в душе человека, она дается ему как нечто внешнее, поэтому легко может быть нарушена. Сначала не только у вдов нет душевной связи с евангельскими событиями, но и у самого Великопольского. Страстная пятница – самый строгий день Великого поста, между тем вдовы, по всей видимости, пост нарушают. Они моют «котел и ложки», из чего повествователь заключает: «Очевидно, только что отужинали». [Чехов, 1977, 8, с.307] Великопольский же, будучи студентом духовной академии, в этот день отправляется на охоту – говорящая сама за себя деталь. Так как он «сын дьячка», можно предположить, что выбор идти по духовной стезе у него мог быть не вполне осознанным, а продиктованным необходимостью продолжения семейной традиции.

Важным указанием на то, что душа Василисы лишена живого религиозного чувства, является то, что встречая студента, она поминает Бога всеу, ставя его имя в соседстве со словом «богатый»: «Не узнала, бог с тобой, — сказала она. — Богатым быть» [Чехов, 1977, 8, с.307]. Интересно, что с другой стороны, это замечание приобретает иной смысл, если перевести материальный план в духовный. Событие у костра действительно обогатило Великопольского, только не в том смысле, в каком имела в виду, согласно примете, Василиса.

Обе женщины – вдовы, то есть обделенные. Это также можно рассматривать в двух планах. На физическом плане – потерявшие мужей, на духовном – связь с Богом. Младшая, Лукерья, имела выражение как у глухонемой. Эта деталь подчеркивает ограниченность в области восприятий (имеются в виду физические восприятия, но они могут пониматься в контексте рассказа и как духовные). И тем сильнее эффект от того, как они прониклись рассказом студента, так как по всему видно, что они не слишком набожны.

Трудно согласиться с Богдановой, считающей, что «Использованные Чеховым выразительные характеристики не оставляют сомнения в примитивности и тупости героинь. Потому последовавшая реакция слушательниц-вдов на рассказ студента о раскаянии апостола Петра выглядит не только странной, но и сознательно оглушенной» [Богданова, 2019]. Спорно высказывание и о том, что «высокий смысл древнего сказания опрощается и превращается в наивный (хотя и живой) пересказ священного текста малообразованным студентом» [Богданова, 2019]. Дело в том, что смысл здесь всеми героями постигается не головой (поэтому для этого не нужно быть умным или образованным), а, как бы это ни

казалось странным, – сердцем. Именно сердце, если можно так выразиться, становится органом восприятия истины. Через него же переживается всеединство людей и ощущение общей причастности к великому событию вне различий по чинам, по умственным или каким-либо другим способностям. Поэтому мы не видим в рассказе ни «легкую авторскую насмешку, спрятанную в подтексте», ни «искусственность финала», как и «авторскую иронию в отношении к глобальным умозаключениям персонажа» [Богданова, 2019]. Момент пробуждения, наступающий как для Петра, так и для героев рассказа, кажется нам главным в произведении без каких-либо дополнительных оговорок.

Некоторыми критиками и исследователями заостряется внимание на проблеме веры в рассказе. Например, после публикации «Студента» в 1894 году в сборнике «Повести и рассказы» С.А. Андреевский в своей рецензии в газете «Новое время» за январь 1895 года отметил, что герой рассказа – «вдохновенный, поэтический образ юноши в толстовском вкусе, с живою и радостною верою в силу евангельской проповеди» [цит. по: Чехов, 1977, 8, сс.504-505]. Отмечается сходная мысль и в современных исследованиях. Например, А. В. Злочевская пишет: «...они вместе пережили в своем сердце события, память о которых запечатлена в Евангелии Словом Божиим, и произошло чудо укрепления веры в сердце молодого человека и преобразования человеческого духа в душе, казалось бы, уже омертвевшей» [Злочевская, 2010]. Или: «Костер “на вдовьих огородах” символизирует ровное и непоколебимое пламя веры в простых женских душах» [Злочевская, 2010]. Нам кажется, что первостепенен не вопрос веры в то или иное, так как вера сама по себе основывается не на познанном, а на вероятном (корень этого слова говорит нам о том же). Герой рассказа нечто в своей душе пережил, и это стало частью его реальности. Ему открылся важный смысл о том, «что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле». [Чехов, 1977, 8, с.309]. Это не вера, это пережитая истина. Его вера могла формироваться в духовной академии как нечто данное извне, истину он познал самостоятельно изнутри. В истину не верят, ее знают. Интересно, что подобное различие между познанием и верой устанавливал и сам Чехов. В его часто цитируемом письме к Дягилеву от 30 декабря 1902 года¹ есть такие строки:

Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. [Чехов, 1982, 11, с.106].

¹ Письмо часто цитируется в связи с высказыванием Чехова по поводу его отношения к «религиозному движению в России» и его мысли о том, что интеллигенция «пока только играет в религию». Но нам в нем интересно другое.

Студент Великопольский прикоснулся душой к этому познанию. И это событие, разворачивающееся в душевном пространстве героев, центральное в рассказе. Его можно назвать прозрением, или пробуждением от душевного сна.

В этой связи нельзя не упомянуть о полемике вокруг характера прозрения Великопольского. Так, в своей книге «Проза как поэзия» В. Шмид отказывает главному герою рассказа в прозрении, отмечая, что «события здесь не произошло, не говоря уже о событии, соответствующем значению великой пятницы» [Шмид, 1998]. Примечательно название главы, посвященной анализу этого рассказа, говорящее само за себя – «Мнимое прозрение Ивана Великопольского (“Студент”))». Автор пытается разоблачить «ошибку энтузиастов чеховских прозрений» в этом рассказе на основе разделения точек зрения персонажа и автора. В полемику со Шмидом вступает Д.В. Ларкович в статье «“Мнимое” vs “истинное” прозрение Ивана Великопольского: к вопросу о чеховском оптимизме». На основе структурно-семиотического прочтения рассказа автор делает противоположный вывод о «полновесном осуществлении центрального сюжетного события, которое свидетельствует о принципиальной аксиологической динамике главного героя» [Ларкович, 2021]. Мы разделяем позицию сторонников свершившегося в душе героя переворота, или, как мы его обозначили – пробуждения, и покажем ее правомерность, обратившись к формальной стороне произведения, а именно – к пространственно-временной организации текста.

Особенности пространственно-временной организации рассказа в контексте обозначенного мотива

Если говорить о пространственной организации чеховского произведения, то в нем мы прежде всего находим ключевую переключку внутреннего и внешнего пространств. Внутреннее пространство – это переживания всех героев рассказа. Ни один из четырех персонажей не остается вне описания душевных движений. В рассказе трижды упоминается слово «душа». Первый раз в контексте истории Петра (*«а бедный Петр истомился душой»* [Чехов, 1977, 8, с.307]), второй – в сопряженности душевных движений Василисы с переживаниями Петра (*«она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»* [Чехов, 1977, 8, с.309]) и третий – когда описывается радость в душе студента, осознавшего этот резонанс (*«И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух»* [Чехов, 1977, 8, с.309]). Заметим, что последние два упоминания композиционно идут в тесной связи, при этом одновременно описывается и то, что происходит в душе Василисы.

Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. [Чехов, 1977, 8, с.309]

Это место можно назвать моментом душевного резонанса всех героев.

Совершенное Христом есть нечто такое, что способно уберечь человека от его собственного эгоизма, от той его плотной оболочки, через которую одна душа

уже не способна почувствовать другую. Сущность духовного переживания заключается в том, что человек может почувствовать не только себя, но и другого как самого себя. Мы видим, что евангельское событие так охватывает разные души людей, что они становятся едины в своем переживании. Души разных людей, переживающие одно и то же, как бы становятся единой душой, что, к слову, на разные лады неоднократно отмечалось в этом произведении исследователями.

Ареной, на которой разыгрываются все внутренние события, является именно душа человека, и в рассказе важны различные ее состояния. Одно из них – на момент поиска, другое – на момент обретения смысла. Пока душа находится в состоянии поиска, какое-то место в ней остается неизменно пустым. Эта пустота, также общая для всех людей, есть пустота отсутствия *«высокого смысла»*, того самого, который герой все-таки переживает в самом конце произведения.

Этому внутреннему пространству мы находим в тексте рассказа соответствие во внешнем пространстве. Это упоминание слов *«пустынно»* (*«Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно»*) [Чехов, 1977, 8, с.306] и *«пустыня»* (*«такая же пустыня кругом, мрак»*) [Чехов, 1977, 8, с.306]). Отметим, что в обоих случаях присутствует слово *«кругом»*, тем самым подчеркнута пространственная всеохватанность этой пустотой, а также мрак, что указывает на всепоглощающую тьму. Таким образом, в этих образах присутствуют три важных значения – бесплодность, широта пространства и отсутствие света. С другой стороны, в рассказе упоминается вспаханная земля: *«Костер горел жарко, с треском, освещая далеко кругом вспаханную землю»* [Чехов, 1977, 8, с.307]. Этот образ создает перспективу потенциального движения от тьмы к свету. Широта пространства остается неизменной (*«далеко кругом»*), но появляются два признака, крайне противоположные указанным выше – это свет (*«Костер горел жарко, <...>, освещая»*) и плодородность (*«вспаханную землю»*). Через заметную соотнесенность внутреннего и внешнего пространства эти образы несут в себе скрытую, но при пристальном взгляде в текст становящуюся очевидной, метафору человеческой души и ее стремления к свету.

В связи с этим можно вспомнить притчу о сеятеле. В сущности, с героями рассказа происходит то, что сказано в ней в последних словах Иисуса Христа: *«Семена же, которые упали на хорошую почву, принесли урожай, одни во сто, другие в шестьдесят, третьи в тридцать раз больше того, что было посеяно. У кого есть уши, пусть слышит!»* (Мф 13:8-9). История одного из эпизодов Евангелия действительно западает в души героев и дает в них свои плоды. Она *«услышана»* ими. *«Хорошей почвой»* оказывается душа, которая открыта для чистого и глубокого переживания евангельских событий, постижения их глубинного смысла.

Двуплановость пространства тесно сопряжена с особенностями функционирования времени в произведении. Если в пространственном отношении ареной событий становится душа человека, то во временном – линия жизни человека и жизнь его души в мире. Душа – обительница двух миров, физического и духовного. С физическим она связана через тело, с духовным – через Дух. Укоренившись в физическом мире, ей бывает непросто вырваться на уровень Духа. И

здесь большое значение имеет то, как ей удастся пережить одно из величайших событий человечества.

Интересно отметить, что незначительный по объему рассказ Чехова дает нам примеры разных уровней художественного времени, охватывая широкий диапазон восприятия этой категории человеком.

Прежде всего это **биографическое время**. Оно актуально в контексте хода человеческой жизни. В рассказе Чехова указания на него есть как прямые («ему было только 22 года»), так и косвенные («Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господ в мамках, а потом няньках» [Чехов, 1977, 8, с.307]). Последний пример указывает на протяженность времени через ход человеческой жизни. Мамка – это кормилица, нянька состоит уже при более взрослых детях. Примечательно, что студенту 22 года. Интересно, что в разных странах существует разный возраст совершеннолетия, в некоторых из них – это 21. Можно сказать, что среди всех вариантов – это верхний порог совершеннолетия. И если на физическом плане в вопросах разрешений и ограничений, установленных законодательством, наблюдается разницей, то в плане духовного рассмотрения человека все куда определеннее. С точки зрения духовной науки, жизнь человека делится на семилетние циклы, и «примерно с 21 года наступает время, когда человек как бы противопоставлен миру как самостоятельное, свободное существо и сам работает над развитием своей души» [Штайнер, 1909]. Поэтому весьма значимо, что пробуждение студента наступает в 22 года.

Суточное время. Описанные события происходят вечером (актуальное время) и ночью (время евангельского события). Здесь нельзя не вспомнить, что впервые рассказ Чехова появился в «Русских ведомостях» под заглавием «Вечером», что подчеркивает значимость этого времени для понимания его содержания. А.А. Белкин считает первое название рассказа «нейтральным». Трудно согласиться, но с этим несколько примиряет его другое высказывание: «Другое дело – какие глубины мыслей и чувств под этими названиями <...> раскрываются» [Белкин, 1973, с.286]. Вечер – это предвестник наступления ночи. Мы уже отметили мрак в рассказе, мрак внешний и внутренний. Так как речь в произведении идет о пробуждении человеческой души, это название оказывается весьма значимым. Оно как бы ставит вопрос: будет ли ночь вечной в человеческой душе, или все-таки после ночи наступит рассвет? Последний метафорически может означать свет, зажженный в человеческой душе.

Календарное время. Действие рассказа происходит весной. В нем есть не только прямое упоминание весны («Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе» [Чехов, 1977, 8, с.306]), но и времени Страстной недели («по случаю страстной пятницы дома ничего не варили» [Чехов, 1977, 8, с.306]). С одной стороны, это время, связанное с пробуждением, возрождением природы, с другой – с Пасхой, с воскресением Христа. На весну косвенно указывает также упоминание тяги – полета вальдшнепов в брачный период, который начинается в апреле. В контексте календарного времени актуален также возврат зимы. Это первое нарушение линейности времени, своего рода сотрясение основ его линейной последовательности.

Космическое время в произведении связано с актуализацией времени событий крестного пути Христа, воплощенного Бога на земле, и с переживанием их в

период Страстной недели. Возврат к событиям далекого прошлого в реальном времени настоящего задают временную цикличность, а одной из интересных особенностей построения рассказа становится переход от линейного, или исторического времени, к циклическому, или космическому. В самом начале рассказа время словно поворачивается вспять («В весеннем воздухе» «запахло зимой»; «Вот вам и зима пришла назад»; «в самом деле возвращалась зима»). Признаки зимы налицо («По лужам протянулись ледяные иглы», «внезапно наступивший холод», «подул с востока холодный пронизывающий ветер», «все сплошь утопало в холодной вечерней мгле», «У него заоченели пальцы», «пожимаясь от холода», «и стали зябнуть руки»). Холод сопровождается мраком («вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо», «И опять наступили потемки», «Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно»). Нарушение привычного хода вещей осознает сам герой: «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие») [Чехов, 1977, 8, с.306]. Это нарушение линейного поступательного течения времени в рассказе сопровождается также и тягостным настроением героя («Ему казалось <...>, что самой природе жутко» [Чехов, 1977, 8, с.306]). Этот момент возврата зимы вызывает аналогию с хаосом. Отметим, что цикличность времени часто связана с чередованием состояний хаоса и космоса. В рассказе этот хаос внешне проявляется в природе, но соотносится с внутренней жизнью человека, обреченного на холод и мрак сознания, для которого может быть закрыто духовное. И от точки невозврата душу человека спасает именно деяние Христа, его жертвенная смерть и последовавшее за ней воскресение. Эта точка в истории человечества, к которой христианский мир каждый год возвращается в своем переживании, и в которой, как во времена любого ритуала (церковный праздник есть разновидность такого ритуала) линейное время превращается в циклическое, а душа из жизни, текущей по горизонтали, выходит на уровень духовной вертикали. Если в череде линейных событий стоят «лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета» [Чехов, 1977, 8, с.306], то деяние Христа соединяет всех в единой точке общего духовного переживания вне зависимости от того, что происходит на физическом плане. Сначала студент мыслит в категориях линейного исторического времени («такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре» [Чехов, 1977, 8, с.306]), но потом пробуждение выводит его на уровень времени космического – вечности. И входит оно в содержание рассказа с эпизодом отречения Петра в Страстную пятницу через соотнесенность двух вечеров.

То, что горизонтальная прямая жизни студента в определенный момент выходит на уровень вертикали в ее устремленности к духовному, подчеркнута пространственными деталями. Если в самом начале рассказа студент «шел все время заливным лугом по тропинке» [Чехов, 1977, 8, с.306], то в конце он переправляется на пароме через реку и поднимается на гору. Вертикаль эта проходит через место, где горит костер, у которого студент Великопольский рассказывает историю про Петра. Это место, где два пространства – современное и историческое – как бы накладываются друг на друга, и в тексте появляется сопряжение «сейчас» и «тогда»: «...а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял

Петр и тоже грелся, как вот я теперь» [Чехов, 1977, 8, с.308]; *«точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр»* [Чехов, 1977, 8, с.307]. Костер становится точкой пересечения горизонтали линейного времени и вертикали выхода на уровень духовного переживания. Это место – источник света и тепла. Оно согревает озябшего студента и разгоняет мрак вокруг. Стоит ему от него отойти, и он снова начинает мерзнуть и погружается во тьму (*«И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки»*) [Чехов, 1977, 8, с.308]). Место у костра оказывается как бы сакральным центром, своего рода порталом в прошлое, но одновременно и отправной точкой для будущего.

Как известно, попасть в сакральное пространство можно лишь перейдя определенную границу. И граница эта условно в тексте обозначена. Дважды в рассказе упоминаются работники, которые поят своих лошадей у реки – до вступления в пространство с костром (*«Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей»*) [Чехов, 1977, 8, с.307]) и при выходе из него (*«Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем»*) [Чехов, 1977, 8, с.308]). Упоминание реки наводит на мысль о пограничном пространстве, тем более что студент в конце переправляется через эту реку на пароме. Заметим, что в первом случае присутствие работников угадывается лишь по их доносящимся голосам, а их самих не видно, они погружены во тьму. А во втором случае они уже освещены костром, что символично: свет, зажегшийся в сакральной точке, доходит до людей и освещает их.

Чтобы точка у костра стала значащей, открывающей перспективу духовного познания, надо, чтобы две линии – горизонталь и вертикаль прошли через человеческое сердце, что и происходит в рассказе для каждого по-своему. После этого вечера, скорее всего, студент Великопольский уже никогда не будет прежним. Не исключено, что он начнет свое духовное восхождение. Интересна в этом контексте его фамилия. Она соотносится со словами Чехова из его дневника: *«Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец»* [Чехов, 1980, 17, с.224]. В силу сложившихся встреч и обстоятельств студент в рассказе оказывается в точке, где этот путь начинается. Будучи учеником духовной академии, он только у этого костра и начинает свое путешествие по этому «громадному полю».

MARIANNA MKRTCHYAN – *The Motif of Spiritual Awakening and its Implementation at the Chronotope Level in A.P. Chekhov's Short Story "The Student"* – This article analyzes the motif of spiritual awakening in A.P. Chekhov's Easter story "The Student" (1894) within the context of the Gospel event of Peter's denial and its interpretation, which goes beyond its traditional meaning from the point of view of dogmatic theology and coinciding with its moral and philosophical interpretations of this Gospel event. In interpreting the work, we rely on an approach to the literary text as an open structure that allows for it to be read beyond the author's intention, but closely linked to it. In Chekhov's inclusion of the Gospel text in his work we see an intersection of various semantic codes that allow for dissimilar interpretations. Specifically, the Peter's denial is viewed by us not only as a temporary apostasy and the manifestation of human weakness, but also as a consequence of an altered state of his consciousness. In the Gospel, it is reflected as sleep, which the disciples of Christ are not able to resist. Through that, deepens the theme of awakening in the story. In the story, we examine the

problem of the human soul, searching for meaning in life and finding it through the experience of the Gospel events. In our analysis we rely on the features of the spatial and temporal organization of the text, in which we identify several forms of literary time (biographical, daily, calendar, cosmic), on the basis of which a picture of the hero's transition from a linear (horizontal) path to a spiritual vertical level is constructed.

Key words: *A.P. Chekhov, Easter story, "The Student", Gospel, Peter's denial, Space, Time, Chronotope.*

ИСТОЧНИК

Чехов, А.П., Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Москва: Наука. 1974-1983.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белкин, А.А., 1973. *Читая Достоевского и Чехова (Статьи и разборы)*. Москва: Художественная литература.
- Богданова, О.В., 2019. Самый любимый рассказ А.П.Чехова «Студент». *Звезда*, 1. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3443> [дата обращения 30.07.2025]
- Бондарев, Г.А., *ANTHROPOS. Энциклопедия духовной науки*. URL: http://bdn-steiner.ru/a1/parset1.php?id_page=104240&level=213 [дата обращения 15.01.2026]
- Воронина, Ю.А., 2014. Рассказ А.П. Чехова «Студент» в итальянской аудитории. *Мир русского слова*, 4, сс.56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-student-v-italyanskoj-auditorii/viewer> [дата обращения 21.08.2025]
- Джексон, Р., 1991. «Человек живет для ушедших и грядущих» (О рассказе А. П. Чехова «Студент»). *Вопросы литературы*, 8, сс.125-130. URL: <https://voplit.ru/article/chelovek-zhivet-dlya-ushedshih-i-gryadushhih-o-rasskaze-a-p-chehova-student/> [дата обращения 21.08.2025]
- Злочевская, А.В., 2010. «Студент» А.П. Чехова: Некоторые размышления. URL: https://omiliya.org/article/student-ap-chekhova-nekotorye-razmyshleniya-a-v-zlochevskaya.html#ftnbk_3 [дата обращения 21.08.2025]
- Ларкович, Д.В., 2021. «Мнимое» VS «истинное» прозрение Ивана Великопольского: к вопросу о чеховском оптимизме. *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического Университета*, 1(15). сс.94-99. URL: <https://wordtextcontext.ru/index.php/wtc/article/view/65> [дата обращения 14.01.2026]
- Лотман, Ю.М., 1970. *Структура художественного текста*. Москва: Искусство.
- Ляпина, А. В., 2023. Календарная словесность на страницах журналов природы и охоты. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 17, (3), сс. 85–93. URL: <https://journal.omg.su/wp-content/files/17.3/85-93.pdf>
- Матюшенко, А.Г., 2010. Произведения А.П.Чехова на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися-филологами (анализ рассказа «Студент»). *Мир русского слова*, 1, pp.69-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-a-p-chehova-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-s-inostrannymi-uchaschimisyafilologami-analiz-rasskaza-student/viewer> [дата обращения 21.08.2025]
- Мокина, Н.В., 2020. Дантовские мотивы в рассказе А.П.Чехова «Студент». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 20(1). сс.59-64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dantovskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-student/viewer> [дата обращения 19.07.2025]

- Скарпа, М., 2013. Несколько размышлений по поводу рассказа А.П.Чехова «Студент». *Studi Slavistici*, X, сс.259-264. URL: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2310/-2310> [дата обращения 19.07.2025]
- Чудаков, А.1996. «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...» Чехов и вера. *Новый мир*, 9, сс.186-192. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/-1996/9/mezhdu-est-bog-i-net-boga-lezhit-czeloe-gromadnoe-pole.html [дата обращения 21.08.2025]
- Шмид, В. 1998. *Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард*. Санкт-Петербург, Инапресс.
- Штайнер, Р., 2010. *Метаморфозы Душевной жизни. Путь внутреннего опыта. Первая часть*. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=58> [дата обращения 15.01.2026]

REFERENCES

- Belkin, A.A., 1973. *Chitaya Dostoevskogo i Chekhova (Stat'i i razbory) [Reading Dostoevsky and Chekhov. Articles and analyses]*. Moscow: Hudozhestvennaya Literature Publ. (In Russian)
- Bogdanova, O.V., 2019. Samyj lyubimyj rasskaz A.P.Chekhova «Student» [Chekhov's favorite short story ("The Student")]. *Zvezda*, 1. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3443> [Accessed 30.07.2025] (In Russian)
- Bondarev, G.A., *ANTHROPOS. Enciklopediya duhovnoj nauki. Opyt enciklopedicheskogo izlozheniya duhovnoj nauki Rudol'fa Shtajnera [ANTHROPOS. Encyclopedia of Spiritual Science]*. URL: http://bdn-steiner.ru/a1/parset1.php?id_page=104240&level=213 [Accessed 15.01.2026] (In Russian)
- Voronina, Yu.A., 2014. Rasskaz A.P.Chekhova «Student» v ital'yanskoj auditoria [A.P. Chekhov's Story "The Student" in an Italian Audience]. *Mir russkogo slova*, 4, pp.56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-student-v-italyanskoy-auditorii-viewer> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Jackson, R., 1991. «Chelovek zhivet dlya ushedshih i gryadushchih» (O rasskaze A. P. Chekhova «Student») [Man Lives for Those who have Passed and for Those who are Coming (About of Chekhov's short story "The Student")]. *Voprosy literatury*, 8, pp. 125-130. URL: <https://voplit.ru/article/chelovek-zhivet-dlya-ushedshih-i-gryadushchih-o-rasskaze-a-p-chehova-student/> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Zlochevskaya, A.V., 2010. «Student» A.P. Chekhova: Nekotorye razmyshleniya ["The Student" by A.P. Chekhov: Some Reflections]. URL: https://omiliya.org/article/student-ap-chekhova-nekotorye-razmyshleniya-a-v-zlochevskaya.html#ftnbk_3 [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Larkovich, D.V., 2021. «Mnimoe» VS «istinnoe» prozrenie Ivana Velikopol'skogo: k voprosu o chekhovskom optimizme ["Imaginary" vs "True" Epiphany of Ivan Velikopolsky: on the Question of Chekhov's Optimism]. *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1(15). pp.94-99. URL: <https://wordtextcontext.ru/-index.php/wtc/article/view/65> [Accessed 14.01.2026] (In Russian)
- Lotman, Yu.M., 1970. *Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]*. Moscow. Iskustvo Publ. (In Russian)
- Lyapina, A.V., 2023. Kalendarnaya slovesnost' na stranicah zhurnalov prirody i ohoty [Christmas and Easter Stories on the Pages of Nature and Hunting Magazines]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 17, (3), pp. 85–93. URL: <https://journal.omega.su/wp-content/files/17.3/85-93.pdf> [Accessed 22.08.2025] (In Russian)
- Matyushenko, A.G., 2010. Proizvedeniya A.P. Chekhova na zanyatiyah po russkomu yazyku s inostrannymi uchashchimisya-filologami (analiz rasskaza «Student») [A.P. Chekhov's Works in Russian Language Classes for Foreign Students Majoring in Philology (Analysis

- of the Story "The Student"). *Mir russkogo slova*, 1, pp.69-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-a-p-chehova-na-zanyatyah-po-russkomu-yazyku-s-inostrannymi-uchaschimisya-filologami-analiz-rasskaza-student/viewer> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Mokina, N.V., 2020. Dantovskie motivy v rasskaze A.P.Chekhova «Student» [Dante's Motives in A.P.Chekov's Story "The Student"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 20(1). pp.59-64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dantovskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-student/viewer> [Accessed 19.07.2025] (In Russian)
- Skarpa, M., 2013. Neskol'ko razmyshlenij po povodu rasskaza A.P.Chekhova «Student» [Some Thoughts on the Short-Story "The Student" by A.P. Chekhov]. *Studi Slavistici*, X, pp.259-264. URL: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2310/2310> [Accessed 19.07.2025] (In Russian)
- Chudakov, A., 1996. «Mezhdú «est' Bog» i «net Boga» lezhít celoe gromadnoe pole...» Chekhov i vera ["Between 'there is God' and 'there is no God' Lies a Whole Vast Field..." Chekhov and Faith]. *Novyj mir*, 9, pp.186-192. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1996/9/mezhdú-est-bog-i-net-boga-lezhít-celoe-gromadnoe-pole.html [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Schmid, W., 1998. *Proza kak poeziya. Pushkin, Dostoevskij, Chekhov, avangard* [Prose as Poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, Avant-garde]. St.Petersburg, Inapress Publ. (In Russian)
- Shteyner, R., 2010. *Metamorfozy Dusevnoj zhizni. Put' vnutrennego opyta. Chast' 1* [Metamorphoses of the Soul: Paths of Experience, Vol. 1]. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=58> [Accessed 15.01.2026] (In Russian)